

Алексей Гребиняк

*ВЬЕТНАМСКИЙ
ИММЕЛЬМАН*

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Гребиняк
Вьетнамский иммельман

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Гребиняк А. В.

Вьетнамский иммельман / А. В. Гребиняк — «ЛитРес:
Самиздат», 2010

В ходе войны во Вьетнаме советские летчики-инструкторы обучают вьетнамских коллег, сталкиваясь при этом с дилеммой - вступать ли самим в воздушные бои с американцами или уклоняться до последнего? В один прекрасный день выбора у советских парней не остается, и в небесах южной страны разворачивается ожесточенный воздушный бой, ставший прологом к еще более головокружительным событиям. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Военная тайна	8
Глава 2. О чем молчат газеты	10
Глава 3. Аэродром	12
Глава 4. Экскурсия	16
Глава 5. Гранит науки	20
Глава 6. Жаркие будни	24
Глава 7. Ханойское пекло	26
Глава 8. Война	29
Глава 9. Первые блины	32
Глава 10. Карибский кризис	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Гребиняк

Вьетнамский иммельман

Пролог

1967 год. СССР. N-ский военный госпиталь.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Старший лейтенант Маргелов по вашему приказанию прибыл.

Кабинет ничем не отличался от тех, что ему доводилось видеть прежде. Те же белые стены, тот же потрепанный стол с перекидным календарем, шкаф с толстыми книгами по медицине – и страшноватые плакаты на стенах. И добродушный полный врач в белом халате, наброшенном поверх кителя.

– Ну, входи, раз прибыл, – усмехнулся он.

– Как себя чувствуешь?

– Нормально, – пожал плечами Володя, кладя на стол свою тоненькую медицинскую карточку.

– Это здорово. Присаживайся. Жару как переносишь?

– Нормально.

– В сон клонит?

– Ну да... если душно.

– Это нормально, – сказал полковник, что-то записывая в карточке.

– Как там, наверху, красиво?

– Красиво, – кивнул Володя.

– Нравится летать?

– Еще бы... – лейтенант слегка насторожился. А ну как нашли что-то и отстранят теперь от полетов?

– Ну, тогда летай на здоровье, – улыбнувшись, полковник протянул Володе карточку. – Здоров, как бык. Успехов! Скажи там, чтобы следующий заходил.

– Спасибо, товарищ полковник, – мысленно переведя дух, старлей вышел в коридор, где сидели еще четверо летчиков, травивших от нечего делать анекдоты.

– Ну, что там? – опередил остальных Миша Кравцов.

– Годен, – усмехнулся Володя. – Следующий!

Кивнув, Миша исчез в кабинете.

– Так вот, рыбка и говорит старику... – продолжал кто-то из лейтенантов рассказывать анекдот.

– Я на улице, – сказал Володя, прикинув, что до окончания медосмотра остается еще минут пятнадцать. – Свежим воздухом подышу... – Ага, – нетерпеливо кивнули остальные, – приближалась развязка анекдота.

Володя вышел на крыльцо госпиталя и, прислонившись к стене, задумался, глядя куда-то вдаль. Было холодно, но ясно – стоял один из тех погожих мартовских дней, когда морозец еще пытается удержать на земле снежное покрывало, а солнце уже светит по-летнему ярко, и в середине дня даже становится чуть теплее. Легкий ветерок лениво покачивал голые ветки деревьев, медленно ползли по небосводу облака – и столь же неспешно текли мысли Володи.

И было над чем подумать старшему лейтенанту... Жизнь вроде складывалась неплохо – с отличием закончил летное училище, остался служить инструктором в нем же, и вот уже три года учил летать курсантов. И не только учил – приходилось и в учениях участвовать, и в воздушных парадах... Работы было вдоволь, – а вот на личном фронте пока стояло глухое

затишье. Женским вниманием старлей обижен не был, да и девчонок в близлежащем городе хватало, – но как-то все не встречалась ему та единственная, ради которой он был бы готов на все.

Но вот месяц назад лед вроде бы тронулся. На танцах Володя познакомился с очаровательной девушкой Лилей – и влюбился с первого взгляда. Не то чтобы денно и ночью сох, – Володя вообще был довольно сдержанным, – но все-таки что-то такое с тех пор в нем изменилось. Ему хотелось почаще видеться с ней, разговаривать, гулять, танцевать, говорить ей что-нибудь хорошее... да просто чувствовать, что вот она, рядом! Лиле же нравилось играть с поклонниками, то подпуская их поближе, то, напротив, отвергая, и лейтенант не был исключением. Его эта неопределенность начинала раздражать. Девушка, однако, упорно уходила от серьезного разговора, и у Володи последние дни все из рук валялось. Он даже как-то наорал на курсанта за пустяковую ошибку, чего с ним раньше никогда не бывало. И еще лейтенант поймал себя на мысли, что ему осточертело училище и курсанты.

– Уехать бы куда-нибудь... – подумал он как-то с тоской. И тут же вспомнил, что до отпуска еще жить и жить.

Весьма кстати подвернулся начальник училища, который предложил своим инструкторам-старлеям поехать в командировку куда-то на юг. Все, не раздумывая, согласились, хотя генерал и темнил, умалчивая о подробностях.

– Сначала медкомиссия, – сказал, как отрезал. – Пройдете – узнаете.

Пришлось идти к врачам. Как и ожидалось, те всех пятерых признали годными к работе в тропическом климате, а заодно пообещали сделать кучу прививок. И прожужжали все уши напоминаниями – мыть руки перед едой, фрукты и овощи грязными не есть, воду пить только кипяченую, не иметь дела с проститутками...

– А то будет как с тем бойцом на Кубе... – загадочно изрек глава комиссии, листая медицинскую карточку очередного пилота.

– А что с ним? – спросил кто-то.

– Спутался в увольнении с одной гуленой... х-хозяйство распухло и ходить мешало.

– Вылечили хоть? – осторожно полюбопытствовал кто-то.

– Мы все лечим... – пробасил врач. – Только без детей останетесь...

– Да какие там девушки на аэродроме... – вздохнул Вася, когда их наконец отпустили.

Остальные промолчали.

...Володя взвешивал все «за» и «против». С одной стороны, командировка – это хорошо, это шанс мир посмотреть, заработать звездочки на погоны и, – чем черт не шутит! – может, и орден, как его отец за корейскую войну. С другой стороны, Лиля может и не дожидаться его...

Тяжелые лейтенантские раздумья прервал скрип двери. Володя обернулся – это оказался Миша. Он походил на Володю, и потому их иногда путали, особенно издали и со спины: оба были светловолосыми, прическу носили одинаковую, да к тому же были примерно одной комплекции, – высокие, крепкие, мускулистые. Самое оно для летчика-истребителя, которому перегрузки – привычное дело. Парни были знакомы еще с детства, – оба родились и выросли в подмосковном Солнечногорске, оба с детства болели небом, и, закончив школу, поступили в одно летное училище. И оба остались после выпуска служить в родных пенатах.

– Ну, как? – поинтересовался Володя.

– Нормально, – пожал плечами Миша. – Ты чего задумался, Орел? – сложив руки на груди, он прислонился спиной к шершавой стене госпиталя и посмотрел в ту же сторону, куда отвел взгляд друг.

«Орлом» Володю прозвали с легкой руки одного генерала еще в курсантские годы. На учениях он прошел на бреющем полете над толпой военачальников, стоявших на рулежной дорожке их аэродрома. Кто-то с перепугу попытался зарыться в бетон, кто-то просто присел, – но равнодушных к его выходке не осталось. Когда лейтенант улетел, один из генералов громо-

гласно потребовал «продрючить этого орла». Взбучку лейтенант, разумеется, получил, – а с ней и прозвище.

– Да вот... – туманно ответил Володя. – Размышляю, ехать или не ехать в эту командировку...

– Как думаешь, кстати, куда поедем? – Миша, посерьезнев, взглянул на друга.

– Черт его знает... – пожал плечами Володя, продолжая смотреть вдаль. – Во Вьетнам, наверное...

– Почему именно туда?

– Газеты читаешь? Американцы там воюют с шестьдесят четвертого... А Карась как раз что-то про юга сказал...

«Карасем» лейтенанты за глаза называли начальника училища, – неплохого, в общем-то, мужика, за плечами которого были Великая Отечественная и корейская войны. В прозвище не было ничего обидного, – напротив, летчики очень уважали своего командира. Просто прозвище уже намертво приклеилось к нему.

– М-м-м... кстати, да, ты прав, – кивнул Миша. – А я думал, в Китай служить поедем или в Корею...

– Туго у тебя с географией, – вздохнул Володя.

Снова скрипнула дверь, и на крыльцо вышли еще два лейтенанта – Кирилл и Ашот. Эти двое были темноволосыми, чуть пониже Володи с Мишей, но зато немного шире их в плечах. Сибиряк Кирилл, всегда невозмутимый и ироничный, был полной противоположностью взрывному и горячему Ашоту. Выросший в далеком Сухуми и чем-то похожий на молодого Сталина, Ашот еще в училище пытался отрастить усы, однако из затеи ничего не вышло – они мешали кислородной маске плотно прилегать к лицу в полете, и от мечты пришлось отказаться. Правда, кличка 'Чапаев' с легкой руки одного из инструкторов к нему приклеилась намертво.

– Где там Базилио? – спросил Володя.

– Еще у полковника, – отозвался Кирилл.

– Слушай, Кирилл, как думаешь, куда поедем? – спросил Миша.

– Во Вьетнам, наверное... – сказал тот. – К гадалке не ходи...

Это была его любимая притяжка.

– А летать, думаю, будем на своих же МиГах, – добавил он. – Только вряд ли будем воевать... Скорее всего, станем учить местных.

Под торжествующий скрип двери на крыльце, улыбаясь во весь рот, появился Вася. Он был самым низкорослым в компании, да к тому же рыжим, и обожал носить большие темные очки, – за что и получил прозвище Базилио, ибо слишком напоминал в таком виде персонажа сказки про Буратино. Даже ухмылка у него получалась какая-то кошачья.

– Ребята, а я годен! – сообщил он. – Правда, сказал, что спать люблю в жару, но меня утешили, что это у всех так.

– Увы, у всех, – кивнул Кирилл, открывая дверь и нос к носу сталкиваясь с симпатичной медсестрой. – Товарищи офицеры, кажется, нас приглашают на прививки...

Глава 1. Военная тайна

Первым к генералу пошел Володя.

– Служить будете во Вьетнаме, – без обиняков начал Карасев. – Вас перебросят на аэродромы, где базируются истребители вьетнамских ВВС. Туда будут привозиться из Союза разобранные МиГ-21, которые техники будут собирать, а вы – облетывать и передавать вьетнамцам. Параллельно вам предстоит переучивать их на этот самолет. Многие уже летали на МиГ-17 и имеют представление о реактивной авиации. Работа вам предстоит нелегкая. Все вьетнамские аэродромы расположены в зоне досягаемости американских самолетов, поэтому во время полетов вы можете встретиться с ними. Естественно, опознавательные знаки на МиГах будут вьетнамские. Старайтесь избегать боев с американцами. Официально Союз в войне не участвует, и потому вас в этом регионе как бы нет. Лишние проблемы нам не нужны.

– Исчерпывающе... – пробормотал Володя.

– Служить вам предстоит год, – продолжал Карасев, – который из-за тяжелых условий будет засчитан за два. Потом вас заменят другие инструктора.

– А могу я отстреливаться при встрече с американцами?

– Вы там будете летать на учебных машинах, без вооружения, – сурово ответил генерал. – Поэтому старайтесь уклоняться от боев. Война не наша – пусть воюют вьетнамцы. А ваше дело маленькое, – помедлил он, – научить их летать на новых машинах. Есть и еще один момент... Американцы не бомбят аэродромы, где есть наши специалисты, а мы за это не разрешаем своим пилотам воевать против них. Сегодня вы американца собьете – а завтра его товарищи отомстят, и погибнут ваши же соотечественники. Так что... – Карасев многозначительно умолк.

– Будут ли еще какие-то советские специалисты на аэродроме?

– Будут. Бригада техников и ваш командир. Боевой мужик, тоже наш выпускник, в шестьдесят втором на Кубе служил. Сработается.

– А как быть с языком? Мы ж по-вьетнамски ни му-му...

– Офицеры знают русский, а с остальными будете беседовать через переводчика, – пожал плечами генерал. – Он также будет дежурить на командном пункте во время учебных полетов – на случай затруднений в общении с курсантом. Еще вопросы есть?

– Никак нет.

– Тогда будь добр, напиши рапорт, – генерал пододвинул Володе бумагу и ручку. – Пиши: «Прошу командировать меня для прохождения дальнейшей службы в Демократическую Республику Вьетнам»... записал?

– Да.

– Дальше: «...обязуюсь обучать союзных летчиков правильно эксплуатировать вверенную им технику... и прилагать все возможные усилия для ее сохранения». Написал? Отлично. Теперь подпись и число. Давай его сюда.

Рапорт исчез в папке.

– Все. Свободен. На днях все будет известно. Пока никому ни слова. Даже своим.

– Служу Советскому Союзу! – козырнул лейтенант.

Он вышел из кабинета. Остальные старлеи выжидающе посмотрели на него:

– Ну и?

– Велено молчать. Следующий...

Тяжело вздохнув, в кабинет вошел Вася.

...Все пять рапортов были рассмотрены в рекордно короткие сроки. Уже через три дня летчики знали, что командировка – дело решенное. Еще через несколько дней Кара-

сев выдал им заграничные паспорта, испещренные разноцветными визами, и приказал получить на складе обмундирование.

– М-да, – глубокомысленно изрек Вася, разглядывая полученную униформу: легкие брюки, рубашки с коротким рукавом и пилотки. – Служить будем на экваторе...

Перед отлетом Володя хотел встретиться с Лилей, но та отказалась, сославшись на занятость. Летчик так разозлился, что даже не стал говорить о своем отъезде, – пусть помучается.

Глава 2. О чем молчат газеты

Среднестатистический житель Советского Союза в те годы знал о Вьетнаме немного: там очень жарко, и еще там партизаны борются с американцами. Какие партизаны, за что они борются, газеты умалчивали. Видимо, следовало полагать, что братский вьетнамский народ строит коммунизм, а американцы ему мешают в этом.

Более знающие люди могли рассказать о том, что в стране выращивается рис. Кое-кто знал названия некоторых населенных пунктов – Ханой, Сайгон, Дьенбьенфу... Еще более эрудированные сказали бы, что на старинных гравюрах страну изображали в виде коромысла, на котором были подвешены две корзины. Корзины тут символизировали дельты рек Меконг и Хонгха, главных рисовых житниц страны, а коромысло – горный хребет Чыонгшон, пересекающий всю страну. Но на этом познания наших сограждан о далекой и таинственной стране зачастую исчерпывались.

Лейтенанты, которых судьба забросила сюда, знали не больше остальных. О том, что во Вьетнаме весной уже стоит жара, их никто не предупредил, – и теперь они страдали от духоты, обливаясь потом. Разделись до пояса, расстегнули рубашки, закатали до колена брюки – все равно помогало мало.

– Ну, и погода... – пробормотал Володя, утирая пот. – Как в Сочи перед грозой!

– Приезжай к нам на Кавказ – там лучше, – устало улыбнулся Ашот, сидя на корточках в тени приземистого ханойского аэровокзала. – Вот приедем отсюда – прошу в гости!

– Конечно, конечно... – рассеянно пробормотал Вася. – Если раньше коньки от жары не откинем...

Самой страны летчики толком почти и не видели. Впрочем, как и Китая. Сначала уютный пассажирский лайнер привез их и сопровождающего, сурового неразговорчивого майора, в Иркутск. Здесь офицеров быстро пересадили в зябкий транспортник, забитый темно-зелеными ящиками с оружием. Самолет сразу поднялся в воздух, и следующие несколько часов друзья мерзли в его холодном грузовом отсеке.

– Нам еще повезло, – сказал майор. – Других во Вьетнам поездом отправляют. Через Китай. Чуть ли не две недели в пути. А так дня за два доберемся...

Ночевать пришлось на узких и жестких скамейках аэровокзала в китайском городе Лунчжоу. Отсюда до Ханоя лейтенантов довез обычный рейсовый самолет, – а дальше их пути разошлись. Кириллу и Мише предстояло служить на аэродроме Нойбай, располагавшемся к северу от Ханоя, а Володе, Васе и Ашоту – на другой базе, юго-западнее столицы. «Нойбайцев» уже ждал на машине замполит подшефного полка, и потому они сразу уехали. Остальным повезло меньше – попутный вертолет, на котором им предстояло добираться до аэродрома, только начали загружать, и потому предстояло ждать еще как минимум час.

Лейтенанты скучали, ибо делать было решительно нечего, а в город их не выпускали. То ли союзники блюли секретность, то ли свои опасались диверсий, – но из аэропорта выходить не разрешалось. Есть летчикам не хотелось, только пить, – и потому они то и дело прикладывались к бутылкам с минеральной водой, запасы которой быстро таяли.

...Казалось, прошла целая вечность, пока все грузы были размещены в необъятном чреве транспортного Ми-6, и лейтенантам разрешили подняться на борт. Майор сунул в руки Володе запечатанный пакет с документами, который надлежало передать новому командиру на новом месте службы, пожелал удачи и исчез. Забравшись в вертолет, друзья облегченно вздохнули, – наконец-то!

Кроме них в грузовом отсеке никого не было. Лейтенанты как раз обустроивались на откидных сиденьях, смонтированных вдоль бортов грузового отсека, когда из кабины выглянул пилот-вьетнамец и сказал:

– Здравствуйте, товарищи! Дверь не трожь. Подобьют, – быстро выпрыгнете. Парашюты в углу.

Он исчез прежде, чем офицеры успели что-нибудь уточнить. Переглянувшись, лейтенанты надели парашюты – обычные летные, которые не на спине висят, а почти под коленями, являясь одновременно чем-то вроде подушки для сидения, – и в молчании устроились поближе к открытой двери.

– Хороший нам курорт попался... – саркастически заключил Вася. – И люди душевные...

– Ага...

Загудев, включились двигатели, быстро раскрутившие огромные винты. Вертолет, оглушительно стрекоча, оторвался от земли и полетел на юго-юго-запад. Промелькнули внизу окраины Ханоя, кое-где обезображенные руинами, – и потянулись леса, холмы, поля, деревни... Пилоты шли на бреющем, в сотне метров от земли. Ашот, заметив это, крикнул, стараясь перекрыть стоящий в салоне шум:

– Что ж так низко-то?! Парашюты ж не раскроются!

– Не каркай! – проорал в ответ Базилио. – Думай, что это не парашют, а амулет!

Газарян ухмыльнулся.

«Вертушка» неслась над бескрайними джунглями, среди которых то тут, то там мелькали аккуратные деревеньки, окруженные рисовыми полями, расчерченными на квадратики насыпями-межами. Крестьяне в конических соломенных шляпах, возившиеся на полях по колено в воде, смотрели вслед пролетающей машине и снова возвращались к работе.

– Ну и дела-а! – восхитился Ашот. – Хоть бы один комбайн был...

Володя первое время посматривал в иллюминатор, потом, невзирая на шум, задремал, вытянувшись на нескольких сиденьях. Ашот и Базилио еще посидели у двери, рассматривали сверху диковинную страну и обмениваясь впечатлениями. Но вскоре закемарили и они.

Глава 3. Аэродром

... Двигатели неожиданно умолкли. Прокрутившись еще несколько раз, замерли винты. Прогнулись под собственным весом лопасти. Раздались шаги – кто-то из вертолетчиков, похоже, вышел из кабины.

Володя разлепил глаза и взглянул на часы: было 16:30. «Сколько ж мы летели? Кажется, сорок минут... А я уже отрубился...», – с усмешкой подумал летчик и сразу вспомнил ту беседу в госпитале: «Как жару переносите? Нормально, доктор, в сон только клонит... Ну, это у всех так...».

Ашот и Вася кемарили на другой лавке, и, похоже, просыпаться не собирались. Володя уже хотел разбудить их, как вдруг вышедший из кабины вьетнамец в комбинезоне весело гаркнул:

– Подъем!

Ашот подскочил на сиденьях и очумело посмотрел на вертолетчика, пытаясь понять, куда его занесло.

– Прилетели, – пояснил вьетнамец.

– Вставай, соня! – толкнул все еще спящего Васю Ашот. – Войну проспидишь!

Снаружи зарычали моторы подъезжающих грузовиков, потом донеслись чьи-то отрывистые команды на незнакомом лейтенантам языке. Вьетнамец протиснулся между стенкой и ящиками в заднюю часть грузовой кабины и открыл створки грузового люка.

– Проспидишь тут... – буркнул Вася, протирая глаза.

Позевывая и потягиваясь, лейтенанты выбрались из вертолета. Вокруг уже было полно вьетнамцев в военной форме. Не обращая внимания на вновь прибывших, они быстро разгрузили прилетевшую машину.

– Ну, и куда теперь? – полюбопытствовал Вася, осматриваясь. Метрах в трехстах от них находилась вышка командно-диспетчерского пункта, откуда руководители полетов управляли перемещениями своих самолетов и контролировали воздушную обстановку вокруг аэродрома. В случае тревоги дежурный офицер мог поднять в воздух перехватчики и навести их на цель, руководствуясь показаниями локатора. Ажурная решетка его неторопливо вращалась неподалеку от вышки. Чуть дальше на рулежной дорожке стояла пара камуфлированных истребителей МиГ-17. Напротив вышки, с другой стороны полосы, располагались полуразрушенные ангары, возле которых валялся остов сгоревшего вертолета.

– Унылое местечко... – пробормотал Володя.

– И не говори... – отозвался Ашот. – Ну что, пошли на КДП, может, там кого найдем...

– Мужики, глянь, сюда кто-то едет! – перебил его Вася. От вышки к ним и в самом деле приближалась одинокая машина. Когда она подъехала поближе, друзья разглядели старый добрый вездеход, любовно прозванный в Союзе «козлик». За рулем сидел вьетнамец в офицерской форме.

– Советски товариси? – осведомился он, лихо затормозив рядом.

– Так точно, – ответил за всех Володя.

– Майор Нгуен Во Ван, комендант базы, – представился офицер, вылезая из «газика» и пожимая лейтенантам руки. – Командир полка сейчас в отъезде, скоро вернется.

Друзья представились, и майор на всякий случай повторил их имена, чтобы лучше запомнить.

– Рад видеть вас, – говорил Ван. – Как долетели?

– Нормально, – пожимали плечами летчики. – Жарко только у вас...

– Привыкнете. Ваш командир пока летает. Скоро вернется. Я доведу вас до лагеря.

Переглянувшись, летчики побросали вещи в майорский «козлик», после чего Ашот нахально воссел на жестком сиденье рядом с водителем, а Васе с Володей пришлось забираться в кузов. Устроившись там поудобнее, друзья задрали головы, пытаясь разглядеть, не кружит ли над аэродромом самолет их командира? Но небо было пустым – ни инверсионного следа, ни мгновенного блеска металла на солнце...

– Держитесь покрепче, – сказал майор, садясь за руль и поворачивая ключ в замке зажигания. – Я любитель ездить с ветерком.

Он нажал на педаль газа, и машина, взрыкнув двигателем, рванулась с места. Сидевшие в кузове летчики едва не вывалились из него, в последний момент успев схватиться за приваренные к бортам скобы.

А майор уже выехал на бетонированную рулежную дорожку, проложенную вдоль взлетной полосы, и понесся по ней через аэродром. Бешено ревел мотор, стрелка на спидометре подбиралась к максимуму, а майор все жал и жал на газ. Встречный ветер обдувал взмокших лейтенантов, и все трое находились на седьмом небе от счастья: ну, наконец-то холодок!

– Вай, бэрэгись, взлетаем! – проорал Ашот, расплываясь в счастливой улыбке.

– Гляди, братва! – крикнул Базилио. – МиГи прилетели!

Володя обернулся. Два камуфлированных истребителя МиГ-17, выпустив шасси, заходила на посадку с того конца полосы, от которого сейчас ехал джип. Воздух за их хвостами слегка колебался, раскаленный реактивными струями. Самолеты плавно снизились и почти одновременно коснулись полосы, после чего покатались по ней, снижая скорость. Двигались они куда быстрее джипа, так что вскоре поравнялись с ним, и в какой-то момент даже мчались рядом. Лейтенанты разглядели усталое лицо вьетнамского летчика в кабине МиГа и две красных звездочки на борту машины. Потом джип все-таки вырвался вперед, и майор, крутанув руль, свернул с рулежки на укатанную грунтовую дорогу, которая, видимо, вела в лагерь. Вот только сам лагерь видно не было – дорога поднималась на один из холмов, обступивших аэродром, и исчезала в густом лесу.

Пока вездеход взбирался на склон холма, лейтенанты рассматривали аэродром, лежавший перед ними как на ладони. Бетонированная взлетно-посадочная полоса, протянувшаяся с юго-запада на северо-восток; по обе стороны от нее – параллельные ей рулежные дорожки, также бетонированные. С востока, юга и запада – небольшие холмы и подступающий почти вплотную лес. Чуть поодаль от вышки КДП, стоящей на уровне середины полосы, под деревьями стояли тягачи и топливозаправщики. Метрах в пятидесяти с другой стороны от вышки виднелась странная просека шириной метров пятнадцать, также затянутая сверху маскировочными сетями, в которые были вплетены зеленые лоскутья, имитирующие листья. «С воздуха, небось, хрен разглядишь», – подумал Володя.

Но вот что смутило лейтенантов – так это почти полное отсутствие самолетов и ангаров на аэродроме. С воздуха аэродром наверняка выглядел как разрушенный и непригодный к использованию.

– Это все машины, что у них есть? – изумился Базилио, разглядывая четыре МиГа на рулежках. – Негусто...

– Вряд ли все. Наверное, остальные просто спрятаны...

– Где, интересно?

– Не знаю...

«Газик» въехал в лес, и сразу стало сумрачно. Кроны деревьев смыкались над головой в такой плотный покров, что лучи солнца с трудом пробивались сквозь него. Где-то в густой листве пели птицы, но друзья не заметили ни одной пичуги. Пара минут, – и заросли неожиданно расступились, а взглядам лейтенантов открылась обширная поляна, на которой то тут, то там располагалось полтора десятка хижин, крытых пальмовым листом. Над одним из бунгало возвышалось тонкое жало радиоантенны; у входа же стоял еще один «газик». По пери-

метру лагеря, обозначенному колючей проволокой, вышагивали несколько автоматчиков, а на единственном въезде дежурили два пулеметчика. Увидев знакомую машину, они без вопросов пропустили джип в лагерь, с любопытством глядя на летчиков.

– Все, приехали, – сказал майор, остановившись у одной из хижин. – Вот ваша хата, располагайтесь, – указал он на соседний домик. – Я приказал, чтобы вам выделили все необходимое. Я буду в штабе, если вдруг что, – заглушив двигатель, он вылез из машины.

– Товарищ майор, а почему по периметру колючая проволока натянута? – удивленно спросил Вася. – Дикие звери?

– Дикие американцы, – ехидно отозвался майор. – Летчиков приходится беречь от возможных диверсий. Они у нас на вес золота.

Сказав это, он ушел в штаб.

– Интересно, а есть тут звери опаснее американцев? – неуклюже сострил Базилио.

– Забудь ты про зверей... – отмахнулся Володя. – Давайте устраиваться в хате, пока светло... Черт их знает, как тут с электричеством...

Они забрали свои вещмешки и вошли в хижину. Замка на двери не было – видимо, тут в них не сильно и нуждались. В самой хижине имелась всего одна комнатка с земляным полом и туалет. Единственное окно оказалось занавешено циновкой. Стекол тут, видимо, тоже не признавали.

В комнате стояли сколоченные из досок нары, на которых лежали матрасы. Один оказался застелен, и на нем уже лежала чья-то пилотка; на остальных просто были сложены стопки постельного белья. В углу примостился старенький холодильник. Еще имелись низенький столик, деревянная тумбочка и пара табуреток. Туалет же оказался самый обычный, типа дачного сортира, – только без старых газет. Умывальник вообще был подвешен на улице прямо у входа.

– О, у них тут свет есть! – восхитился Ашот, заглядывая в холодильник. – И жратвы до пуза! Жаль, минералки не вижу...

– Генератор, наверное, имеют... – предположил Базилио. – А воды на такого бегемота, как ты, и не напасешься...

– Сам ты бегемот... – обиделся Ашот.

– Ша! Кончай спорить! – сказал Володя. – Чур, эта койка у окна моя! – он с наслаждением растянулся на матрасе.

– Тогда вон та – моя! – весело крикнул Базилио, швыряя свой вещмешок на второй матрас.

– Это что, у меня выбор – или это, или на улице спать? – возмутился Ашот. – Вам еще повезло, что мне понравилось эта койка!

Перебрасываясь шуточками, друзья стали разбирать вещмешки. Вдруг Вася замер и прислушался:

– Что это?!

– Что услышал? – спросил Ашот.

– Шум какой-то...

Действительно, сквозь влажный свежий воздух продирался нарастающий звук. Он приближался и усиливался, приобретая знакомое всем троиим звучание.

– «Балалайка», ребята! – заорал Ашот и пулей вылетел из хижины. Следом выбежали остальные.

Шум превратился в оглушительный рев. Сквозь листву деревьев и растянутые над головой маскировочные сети лейтенанты увидели знакомые очертания остроносого самолета с треугольными крыльями, и в самом деле похожего, если смотреть снизу, на балалайку. Оглашая окрестности торжествующим ревом, МиГ пронесся над лагерем и улетел прочь.

– Шасси выпущено было, – заметил Володя. – Похоже, садится. Давайте сгоняем на поле, посмотрим, кто летал?

– А на чем? – спросил Базилио.

– «Козла» одолжим! – Володя уже забирался за руль майорского вездехода. – Быстрее давайте, что стоите?!

– А, была, не была! – махнул рукой Ашот и запрыгнул на заднее сиденье. – Поехали!

Пожав плечами, присоединился к ним и Вася.

Глава 4. Экскурсия

Ключи майор по привычке оставил в замке зажигания, так что позаимствовать машину было несложно. Часовые у «ворот» препятствий чинить не стали, – и лейтенанты выехали из лагеря.

– Таки майор будет не рад... – заключил Вася, пока джип скакал по ухабам. Володя вцепился в руль, стараясь удержать машину на той накатанной тропе, которую майор Ван по пути в лагерь, забывшись, назвал дорогой. Остальным приходилось крепко держаться за что попало, чтобы не вылететь из вездехода на очередной кочке.

– На первый раз простит, – философски заключил Ашот, лязгая зубами на ухабе.

На спуск в долину ушло минуты две. Выехав из леса, друзья увидели, как тот самый давешний МиГ-21 заходит на посадку. Колеса его коснулись полосы, из-под них взметнулись черные облачка сгоревшей резины, потом за хвостом самолета вздулся тормозной парашют, – и истребитель, замедляясь, пробежал по полосе, а затем, сбросив скорость до минимума, свернул на рулежку, где его ожидал тягач.

– Давай туда! – крикнул Ашот, но Володя уже и сам сообразил, что к чему.

Когда они подъехали к самолету, подоспевшие техники прицепляли его к тягачу. Пилот, уже выбравшийся из кабины, о чем-то говорил с человеком в технарском комбинезоне, а тот кивал в знак согласия.

– Кажись, наши... – сказал Вася. Техник и пилот обернулись, услышав их слова.

– А, пополнение? – улынулся летчик. Лицо у него было скуластое, загорелое, глаза узкие, но глядели на окружающих дружелюбно. Бороды и усов летчик не носил, стригся коротко, и ежик черных волос едва прикрывал голову.

– Так точно. Прилетели пятнадцать минут назад, – доложил Ашот. – Мы видели ваш проход и посадку, решили посмотреть, кто летал...

Тягач рыкнул, и, выплюнув сизоватое облачко дыма, медленно тронулся с места.

– Отлично. Я – капитан Хваленский, можете называть Михаилом Антоновичем, – летчик пожал руку Ашоту, а потом и Васе с Володей. Друзья представились, поздоровались и с техниками, которые, впрочем, сразу ушли вперед, за тягачом.

– Значит, будете помогать мне учить этих гавриков? – усмехнулся капитан. – Налет на «Балалайках» какой?

– Четыреста тридцать часов у каждого, – сказал Володя. – И еще курсантами по сто пятьдесят часов налетали на других машинах.

– Хорошо, – кивнул капитан. – Класс у всех, я так понимаю, второй?

Вчерашний выпускник летного училища мог вести воздушный бой днем в простых метеоусловиях, то есть при видимости не менее четырех-пяти километров, – этого было достаточно для звания «пилот третьего класса». Второй класс предполагал, что летчик способен действовать днем в сложных метеоусловиях при видимости два-три километра и ночью в простых. Ну, а самый высокий, первый, означал, что его обладатель сможет воевать и днем и ночью при любых метеоусловиях.

– Так точно, – кивнули лейтенанты.

– Отлично. Совсем отлично. Теперь вкратце о том, чем будем заниматься. Каждому достанется несколько курсантов. На «Балалайках» никто из них еще не летал – на днях займемся этим. А пока будете учить язык...

– Э-э... товарищ капитан... – выдавил Ашот. – Разрешите вопрос?

– Разрешаю.

– А зачем это нам... язык учить... переводчик же есть...

– Ваши будущие курсанты, увы, русский знают плохо, – пожал плечами Хваленский. – Поэтому вам придется выучить общеупотребительные команды, чтобы в воздухе чувствовать себя поуверенней. Ну, в пределах необходимого радиообмена. «Прошу разрешения на взлет», и тому подобное. Переводчик-то есть, но случаи разные бывают... – капитан вздохнул. – И вообще, береженого бог бережет. Вопросы есть?

– Есть. Разрешите?

– Разрешаю.

– Вы давно тут?

– Месяц. Неделю осваивался, потом понемногу начал летать. Еще вопросы?

– Никак нет.

– Тогда приступайте... – капитан достал из планшета блокнот и протянул его Володе. – Должно от зубов отскакивать. Кстати, я гляжу, вы позаимствовали машину Вана... Не подберите потом до лагеря?

– Конечно! – развел руками Ашот.

– Тогда давайте я для начала покажу вам здешнее хозяйство, а потом поедem в лагерь. Заодно и поговорим. Машину оставьте тут, никто ее не тронет.

– Давайте, – кивнули друзья.

Капитан провел их через лес по едва заметной тропинке, петляющей между деревьев. Пока они шли, Хваленский рассказывал:

– В прошлом году американцы под орех разделили эту базу. Ангары раздолбали, технику пожгли, полосу продырявили... Но место тут очень удобное, поэтому вьетнамцы базу восстановили. Правда, с воздуха она смотрится разрушенной. Ангары теперь располагаются по землей, как и топливозаправщики.

– Это как? – удивились лейтенанты.

– Сейчас увидите, – усмехнулся капитан.

Они вышли к холмам, находившимся метрах в трехстах к востоку от взлетной полосы. Ангары, – точнее, подземные укрытия, – были вырыты в их недрах; стены и потолки дополнительно укреплялись бетоном. Уничтожить их было можно разве что прямым попаданием авиабомбы. А обнаружить – лишь при большом везении: бетонные плиты рулежных дорожек оказались выкрашены под цвет окружающей земли и врыты в нее так, что они составляли с ней единое целое. Эти рулежные дорожки сливались в одну, которая шла от ангаров прямо к взлетной полосе, и в случае тревоги самолеты могли сразу вырывать по ней на взлет.

Для обслуживания самолетов в ангарах имелось все необходимое оборудование вроде лебедок и кранов, а также всяческие станки и инструменты. Укрытия освещались лампами дневного света; для очистки и кондиционирования воздуха имелась превосходная система вентиляции. Работу всего этого оборудования, как пояснил Хваленский, обеспечивала небольшая гидроэлектростанция, расположенная неподалеку на быстрой речушке.

– А если ее разбомбят или взорвут? – любопытствовал Вася.

– Есть резервные генераторы, – пожал плечами капитан. – Но пока к их помощи не прибегали.

Самолеты в тоннелях выстраивались в ряд вдоль левой стены тоннеля, а пространство справа оставалось свободным для проезда заправщиков и тягачей. В первом тоннеле стояло пять вьетнамских МиГ-17, во втором – три уже собранных и облетанных МиГ-21 (пока еще не окрашенных и без знаков различия), а также пять двухместных учебных МиГов-«спарок» (прозванных так за спаренное управление, – управлять самолетом могли и курсант, и инструктор). В третьем ангаре советские техники собирали очередную «Балалайку». У дальней стены виднелось еще четыре или пять огромных ящиков, в которых перевозились самолеты. Видимо, там хранились в ожидании сборки остальные истребители.

– Что, Миш, нашего полку прибыло?! – усмехнулся один из них, когда летчики вошли в ангар. Сняв замасленную перчатку, он протянул друзьям руку:

– Дима.

Летчики представились столь же просто – козырять званиями тут было ни к чему. Заметив новичков, подошли познакомиться и остальные технари.

– Они самые, – с улыбкой подтвердил Хваленский. – На сегодняшней машине замени, пожалуйста, лампочки сигнализации выпуска шасси. Кажется, одна перегорела.

– Будет сделано, – кивнул техник. – К завтраму соберем еще вот этого красавца, тоже облетать надо будет, – он глазами указал на МиГ, только что выкаченный из огромного деревянного контейнера. Крылья, отстыкованные при перевозке, еще не установили на место, и лейтенанты, глядя на одиноко стоящий ракетобразный фюзеляж, сразу вспомнили известную шутку: «Зачем «Балалайке» крылья? А чтоб пилот летать не боялся...».

– Облетаем, какой вопрос? Только гостинцев насыпь как обычно.

– А, это само собой!

– Все, я поехал отдыхать. Если что, звони.

– Угу, до встречи.

Попрощавшись с техниками, летчики вышли из ангара и вернулись к взлетной полосе, где их терпеливо дожидался майорский «газик». Володя сел за руль, Хваленский – рядом с ним, Ашот и Вася забрались в кузов.

– Поехали! – Володя повернул ключ зажигания.

Пока они возвращались в лагерь, Хваленский рассказывал:

– Ключом щелкать тут опасно. Янки с баз в Южном Вьетнаме за полчаса досюда долетают, с авианосца в заливе – и того быстрее. А локатор у нас на базе слабенький, видит километров на сорок. То бишь, засекали янки – остается нам на реагирование минуты две-три, не больше. Да еще летаем без оружия, с почти пустыми баками... а у них и керосина вдоволь, и ракеты есть...

Помолчав, капитан добавил:

– Если попадетесь охотничкам – тяните «Фантом» в виражи. Он на малых высотах маневрирует, как утюг. Есть шанс выиграть время и уйти. А если по вам ракету пустят – резко отворачивайте в ее сторону. Тогда она вас, скорее всего, потеряет.

– А вам уже доводилось встречаться с «Фантомами»? – спросил Володя.

– Угу. Неделю назад подловили, когда я МиГ облетывал, – кивнул Хваленский. – Минут десять они меня гоняли, наверное... пока вьетнамцы на «семнадцатых» не подоспели. Там я этот трюк с виражами и подметил. Внимательней будьте, короче.

– Ясно, – кивнули старлеи.

...Вечером комендант базы, за глаза уже прозванный лейтенантами Вованом, пригласил офицеров к себе на ужин. Прибыл и командир полка, летчиков которого предстояло обучать лейтенантам, – полковник Нгуен Во Цзинь, худой и жилистый офицер с необычайно пристальным взглядом. Впрочем, он больше молчал, – видимо, уже узнал все интересующие его подробности от Хваленского.

– Со спиртным у нас туго, – извиняющимся тоном сказал Ван, – а вот с хлебом попроще...

С этими словами он, загадочно улыбаясь, достал из своего вещмешка завернутый в полиэтиленовый пакет черный хлеб. Как раз такой, что продавался в любом продуктовом магазине Союза.

– Не спрашивайте, откуда, – усмехнулся он, увидев изумленные лица офицеров. – Давайте выпьем за ваш успех и нашу старательность!

Он разлил по стаканам душистый зеленый чай.

– Когда американцы стали бомбить наши города, у нас было всего двадцать пять МиГ-17, – рассказывал он. – Двадцать пять – на всю страну. Американцы за раз посылали на

бомбежку больше самолетов, чем мы тогда имели. Но мы выстояли. Сейчас китайцы поставляют нам все больше этих самолетов, и мы наносим американцам большие потери. Не собьем – так отгоним бомбардировщики. И то хлеб, как у вас говорят. Ваши новые МиГи, думаю, окажутся еще более хорошими, и мы с их помощью совсем победим американцев.

– За ваших летчиков, полковник! – поднял свой стакан Хваленский.

– И за ваших, капитан!

Хлеб оказался немного черствым, но зато настоящим, родным...

Глава 5. Гранит науки

...Друзья сидели в хижине и, обливаясь потом, учили команды из капитанского блокнота. Термометр показывал около тридцати, – и даже пролившийся около полудня дождь не принес прохлады. Все время хотелось пить. По совету Хваленского лейтенанты налегали на зеленый чай без сахара. Действительно, помогал он лучше, чем холодная вода.

Со стороны аэродрома доносился шум реактивного двигателя – капитан облетывал собранный накануне МиГ.

– Билядь, – с грустью в голосе сказал Ашот, заложив руки за голову и глядя в потолок. – Я сюда летать ехал, а не это чик-чирик учить...

– Не будешь чирикать – не будешь летать, – заметил Володя, которому, как и Ашоту, вовсе не улыбалось целыми днями зубрить команды на чужом языке, но летать хотелось зверски. За тем ведь и ехал. И ладно бы надо было просто заучить эти фразы... нет, все оказалось куда сложнее! Говоря по-вьетнамски, следовало обращать внимание на тон, с которым произносилось слово. Сказанное с разной интонацией и ударением, оно могло иметь совершенно разные значения при похожем звучании. Беглый разговор и вправду слегка походил на птичье пение. Володю выручал музыкальный слух. У Васи с этим было значительно хуже, а уж про Ашота и говорить не приходилось – гордому джигиту язык почти не давался. Однако деваться было некуда – Хваленский ясно сказал, что никто не поднимется в воздух, пока не сдаст ему зачет по командам.

– Ежу понятно, – с грустью проговорил Ашот и, сев на матрасе по-турецки, забормотал:

– «Да» – ванг, «нет» – хонг... «хорошо» – тот, «плохо» – хау... Ванг, тот...

Вася и Володя, шевеля губами, сопели над своими тетрадками, куда накануне старательно переписывали из блокнота нужные слова и фразы. Ашот немного поглазел на муху, сидевшую на потолке; потом ему это наскучило, и он, чертыхнувшись, опять вернулся к фразам:

– «Взлететь» – бай лен, «приземлиться» – ха хуонг дат...

Так проходил день за днем. Капитан появлялся утром и вечером, а остальное время пропадал на аэродроме, где следил за работой техников, собиравших новенькие МиГи. Когда очередной самолет был готов, Хваленский лично поднимался на нем в небо, чтобы проверить, как ведет себя в полете истребитель, и как работают все его системы. Если все было в норме – самолет после приземления увозился вьетнамцами в подземный ангар. Если что-то требовалось довести до ума – техники сразу приступали к работе, а потом, когда замечания иссякали, вьетнамцы ставили МиГ на хранение до лучших времен. Таковые, по расчетам капитана, должны были настать уже через два месяца – к этому времени он рассчитывал подготовить первых вьетнамских летчиков для «Балалаек».

До того полк должен был летать на старых добрых МиГ-17, прозванных за камуфляжную окраску «Змеями». На фоне земли такую машину было сложнее заметить, чем обычный неокрашенный самолет, сверкающий на солнце алюминием, – и прозвище быстро прикипело к этим тупоносым самолетам. Хотя «семнадцатые» и уступали американским самолетам в скорости почти вдвое, да и ракет не несли, но были опасными противниками – их пушки наносили сильнейшие повреждения. Даже «Фантом» был обречен, если пилот оказавшегося у него в хвосте МиГа успевал прицелиться и дать очередь. Американские штурмовики обычно летали на небольших высотах, да еще на дозвуковых скоростях, – и потому МиГи могли догнать их. Конечно, они и сами несли потери в боях с истребителями, сопровождавшими ударные машины, – но все-таки они были не так велики, как американские.

Остроносый, стремительный МиГ-21 должен был стать еще более серьезным соперником американцев, так как скорость его была почти равной их скорости – две с лишним тысячи километров в час. Плюс необычайная для столь скоростной машины маневренность. Плюс

ракеты, которых не было у «семнадцатого»... Плюс пушка... Плюс локатор, которого не было на МиГ-17... При умелом использовании летчиками всех этих плюсов победа над американскими самолетами была почти гарантированной. Но самолетов было еще маловато, да и подготовленных пилотов не хватало, – и потому основным «солдатом» оставался МиГ-17. Однако уже за первый год боевого применения «Балалаек» вьетнамцы добились неплохих результатов: на один потерянный МиГ-21 порой приходилось три сбитых американца. И если с потерями от зенитного огня янки уже смирились, то успехи вьетнамских летчиков их разозлили не на шутку.

В начале января 1967 года американские летчики под руководством полковника Робина Олдса даже провели операцию по уничтожению «двадцать первых», применив старый как мир принцип троянского коня. Американцы обычно летали по одним и тем же маршрутам, редко меняя позывные, – и Олдс сыграл на этом. «Фантомы», увешанные ракетами «воздух-воздух», пошли по маршрутам штурмовиков, пользуясь их позывными. Когда «Балалайки» поднялись на перехват, уверенные, что опять идут бомбовозы, американцы встретили их огнем. Потеряв шесть машин за считанные секунды, вьетнамцы на несколько месяцев перестали использовать «двадцать первые». И лишь в марте-апреле начали вновь вводить их в бой – но на этот раз очень осторожно, стремясь предотвратить потерю ценных машин.

Хваленского не раз посещала мысль самостоятельно опробовать МиГ-21 в бою, но он гнал ее прочь. Слишком многих капитан подставил бы, отправившись на перехват или свободную охоту, – а кому-то из соотечественников это могло бы стоить и жизни. И потому он ограничился тем, что приказал техникам подвешивать пушку к очередному облетаемому истребителю. МиГ-21ПФМ, который получали вьетнамцы, встроенного вооружения не имел, и потому скорострельная пушка при надобности подвешивалась под брюхом в специальном контейнере.

– А зачем вы летаете с оружием? – подозрительно спросил как-то вьетнамский замполит, вездливый до тошноты параноик.

– Мы сокращаем время подготовки самолета, – спокойно ответил капитан. – Истребители будут передаваться вам сразу с вооружением, в случае чего можно быстро подготовить их к вылету.

– И пушки заряжены?

– Когда в ангаре стоят – да.

Истине это слегка не соответствовало, – в ангаре как раз оружие держали разряженным. Но таких тонкостей замполит не знал, и потому успокоился:

– Ну ладно...

С тех пор на душе у Хваленского стало полегче.

...На седьмой день капитан устроил лейтенантам экзамен с пристрастием, и был приятно удивлен – все трое смогли выучить необходимые фразы. Даже Ашот отвечал без запинки, – правда, его акцент наверняка поставил бы на уши всю радиоразведку американцев, выйди он в эфир.

– Отлично. Сегодня дам каждому провозной полет, чтобы проверить вас, – а там посмотрим, – заключил Хваленский. – Кто полетит первым?

– Я, – хором сказали все трое. Капитан улыбнулся:

– Понятно... Первым полетит Маргелов, потом Газарян, третьим – Николаенко. Вопросы есть?

– Никак нет!

– Тогда в машину – и на аэродром.

...Было чертовски приятно снова оказаться в небе после стольких дней изматывающей рутины. Пока самолет набирал высоту, внизу виднелись ровные квадратики рисовых полей, небольшие аккуратные деревеньки, рощицы возле озер, извилистая ленточка реки... Потом МиГ врывался в облака, и за стеклом бурлила серо-белая хмарь. А спустя секунду-другую машина вдруг оказывалась в чистом небе, – и справа ослепительно вспыхивало солнце. Земли больше не было видно; куда ни кинь взгляд, – всюду лишь сплошное белоснежное поле от горизонта до горизонта. Тут и там над этой небесной равниной поднимались причудливые нагромождения облаков, напоминающие то горы и сказочные замки, то невиданных чудовищ, – и Хваленский то облетал их, то пронесился прямо сквозь очередную призрачную скульптуру. Сердце лейтенанта, как и тогда, в училище, сладко замирало, когда самолет приближался к облаку – а вдруг не прорвется, застрянет в нем, как в сладкой вате? Но «спарка» упрямо пробивала себе дорогу сквозь тучи, и снова неподалеку сияло приветливое солнце.

– Бери управление! – раздался в наушниках старлея голос Хваленского. – Маневрируй, как в голову взбредет. Я хочу посмотреть, что ты умеешь. – Уступаю.

– Есть, принял!

Левой рукой Володя плотно обхватил РУД – рычаг управления двигателем, – правой же взялся за ручку управления самолетом, а ноги поставил на педали. Глубоко вздохнув, он улыбнулся сам себе и произнес:

– И р-раз! – и плавно, но быстро двинул ручку управления влево.

Бочка! Линия горизонта бешено вращается по кругу. Раз, два, три. Хватит, теперь мертвая петля! Прибавить обороты, ручку плавно на себя, – и машина задирает нос в холодную синеву, словно пытаюсь подняться еще выше, прямо в космос... Еще мгновение – и вот уже облака оказываются над головой, а небо под ногами. А потом вниз, словно с горки, – и небо с землей снова меняются местами... Еще бочка, потом боевой разворот, потом вираж и штопор... Перегрузки то вжимают в кресло, то стараются выбросить из него, туго натягивая привязные ремни. Кровь то приливает к голове, – и тогда темнеет в глазах, а к горлу подкатывает тошнота, – то вдруг устремляется в ноги при резком взятии ручки на себя. Еще бочка, еще петля, штопор, полет на спине! «Как мало надо для счастья...» – вспоминал Володя слова своего инструктора, учившего его летать. «Достаточно иметь крылья».

– Противник сзади-сверху! – вдруг крикнул Хваленский, когда Володя выровнял машину после очередной петли. Лейтенант почувствовал, как холодеет в груди – «спарка» была не вооружена, хотя теоретически могла нести ракеты. Если их подловят американцы – останется только удирать от янки, ожидая помощи. И все же он, не раздумывая, бросил машину влево и, крутя головой, попытался увидеть неведомого противника, заходящего ему в хвост.

Там было пусто. Не веря своим глазам, лейтенант переложил ручку вправо, и пока самолет выполнял крутой вираж, снова посмотрел назад. Опять ничего.

– Сзади чисто, – неуверенно доложил он.

– Все верно, – спокойно отозвался Хваленский. – Там ничего нет. Я проверял, как ты себя ведешь при опасности. Пора приземляться, беру управление.

– Понял, уступаю, – ответил старлей, с сожалением кладя руки на колени.

«Спарка» продолжала полет, но вел ее теперь Хваленский. Ручка управления между ног Володи, соединенная с такой же ручкой в кабине капитана, двигалась теперь словно бы сама по себе.

Пробив облака, капитан зашел на посадку. Володя, воспользовавшись моментом, попытался рассмотреть с высоты лагерь и проложенную к подземным ангарам потайную рулежку, но, сколько ни вглядывался, так и не смог их заметить. Маскировка у вьетнамцев действительно была на высоте. Аэродром выглядел абсолютно негодным к использованию – сверху ясно были видны лишь разрушения. Единственное, что было нетронутым – вышка КДП, да радар неподалеку.

Полоса уже набегала под колеса МиГа стремительной светло-серой лентой, как вдруг старлей явственно увидел на бетоне впереди несколько темных пятен. Воображение тотчас услужливо нарисовало глубокие воронки, проделанные бомбами, а потом Володя в деталях представил себе, как сейчас его машина попадет колесом в одну из них, – и взорвется вместе с ним и с капитаном. В горле у него мгновенно пересохло, и он, нашаривая между ног рукоятки катапульти, заорал:

– Бля, командир, внизу воронки, уходи!

– Не ссы, это обманки, – неожиданно спокойно ответил Хваленский. В следующий момент колеса самолета, слегка взвизгнув, коснулись полосы, и МиГ как ни в чем не бывало прокатился прямо по пятну. С немалым облегчением лейтенант понял, что все в порядке. Он перевел дух и попытался расслабиться, но мышцы от смертельного ужаса свело так сильно, что удалось ему это далеко не сразу.

– Жив? – спросил Хваленский, когда они заруливали на стоянку.

– Жив... – пробормотал Володя. – Я думал, ща вдребезги...

– Ага. На настоящие здорово похожи. Вьетнамцы так янки-разведчиков дурят... Полоса как будто раздолбана – значит, непригодная. А это краской нарисовано или еще как-нибудь сделано...

– Понятно...

– Все, приехали, – Хваленский выключил двигатель, и лейтенант вдруг ощутил, как стало жарко в тесной кабине. Открыв фонарь, он стащил с себя кислородную маску, перебросил ее через борт и, глотнув показавшегося необычайно вкусным воздуха, стал торопливо расстегивать привязные ремни. Подкатил заправщик. Пока летчики выбирались из кабины по приставленным стремянкам, техники принялись заправлять почти опустевшие баки спарки.

– Летаешь ты хорошо, – сказал Хваленский, когда они отошли от самолета. – Завтра слетаем на ознакомление с районом, а пока учи карты. Потом уже начнем тренировать вьетнамцев.

– Есть, товарищ капитан, – ответил Володя.

Капитан вытер со лба пот.

– Зови Газаряна.

– Есть... – кивнул Володя. Но Ашота искать не пришлось – он уже спешил к самолету.

Старлей попросил у одного из техников фляжку и выпил почти половину воды.

Она тоже была необыкновенно вкусной.

Глава 6. Жаркие будни

...Еще через неделю старшие лейтенанты начали обучать вьетнамцев. Теоретические занятия сменялись полетами; курсанты в целом успешно осваивали новый для них истребитель, но быстро выяснилось, что на менее скоростном МиГ-17 летать им было все-таки проще. Чуть получше там был обзор, поменьше скорости на взлете и посадке, немного попроще управление – да и за локатором следить не приходилось. Кроме того, доходяг-вьетнамцев быстро выматывало маневрирование на больших скоростях. Идеалом для МиГ-21 являлся летчик весом около восьмидесяти килограммов и ростом примерно метр восемьдесят. Таких вьетнамцев можно было пересчитать по пальцам, – но и они при небольшой (по меркам инструкторов) перегрузке быстро теряли сознание. После первых полетов на отработку высшего пилотажа многих курсантов приходилось доставать из перепачканных кабин – сами они вылезти не могли. Здравомыслящий, что американцы вряд ли падают в обморок при шестикратной перегрузке, Вася без обиняков заявил полковнику Цзиню:

– Товарищ полковник, если ваши летчики хотят хорошо летать, заставляйте их больше жрать. Этим вы сэкономите и самолеты, и пилотов.

Комполка мысль старлея оценил, – и рационы летчиков выросли чуть ли не вдвое.

– Несъеденная порция еды приравнивается к государственной измене! – сказал он своим летчикам. С тех пор полковник иногда появлялся на завтраках и обедах с демонстративно расстегнутой кобурой, следя, чтобы пилоты съедали всю положенную им еду.

Заодно инструктора порекомендовали вьетнамцам увеличить время физподготовки. Это принесло свои плоды – постепенно вьетнамцы становились более выносливыми.

...Поначалу лейтенанты выматывались так, что вечером с трудом доползали до постелей. Потом пообвыклись, и даже стали в свободное время играть в шахматы или читать газеты. Последние, впрочем, приходили нерегулярно и редко, – из соображений секретности их привозили только майор Ван или его заместитель, когда летали в Ханой по делам. Да и были они весьма и весьма устаревшими – минимум на две недели.

Однажды Ашот раздобыл где-то гитару, и Володя с Васей иногда брэнчали на ней, тихонько напевая не забытые еще песни. Потом Ван привез из Ханоя домино – играли в домино. Иногда развлекались стрельбой по мишеням из табельных пистолетов, – благо патронов к ним было завались, и никто их не считал.

Но все это было лишь вечерами, и то не всегда – хватало забот на аэродроме, где работа чаще всего кипела с раннего утра и до поздней ночи.

...За ту неделю, что лейтенанты привыкали к местному климату, вьетнамские перехватчики взлетали всего два или три раза, пытаясь сбить вражеские разведчики – и возвращались ни с чем. Пилоты коротко сообщали командирам: «При нашем появлении противник на форсаже ушел за облака. Мы огня не открывали».

Стоило же друзьям получить допуск к полетам – и американцы словно сорвались с цепи. Их бомбардировщики и штурмовики вновь и вновь обрушивались на вьетнамские мосты, дороги и склады. Аэродромы пока не трогали, но все понимали, что это только пока. Вьетнамцы отчаянно сопротивлялись – за три дня полк, летчиков которого переучивали лейтенанты, сделал тридцать семь вылетов, и на его счету прибавилось четыре сбитых самолета. Был, правда, потерян и один свой, но пилоту удалось катапультироваться, – и уже через два дня он снова летал.

По слухам, так же яростно сражались и другие немногочисленные вьетнамские эскадрильи. Как ни крути, их было меньше, чем американцев, и потому вьетнамцы предпочитали пар-

тизанскую тактику – барражировали на малой высоте, где их было трудно заметить, и атаковали груженные машины на подходе к цели, заставляя их сбрасывать бомбы в пустые джунгли.

– Представляю, что там, в Ханое творится... – заметил однажды Володя, глядя, как приземляется вернувшийся с задания МиГ-17. Истребителю здорово досталось в бою, – в левом крыле зияла большая дыра, а хвост был иссечен осколками ракеты. Вьетнамец зарулил на стоянку и, выбравшись из кабины, с улыбкой похлопал МиГ по борту – а потом пошел к вышке командно-диспетчерского пункта.

– А что там творится? – спросил Ашот.

– Бомбят его, – буркнул Володя, протягивая ему вьетнамскую газету. – Страсть, как бомбят... Смотри фотографии.

Советские газеты поступали очень нерегулярно, с опозданием, да и выяснить из них что-либо не представлялось возможным. Чаще всего лейтенанты имели дело с вьетнамскими изданиями, в которых они могли только рассматривать фотографии. Судя по ним, Ханое доставалось крепко – на его аэродромы, заводы и склады падала чуть ли не половина американских бомб.

– Я вот все не пойму – зачем они бомбят Вьетнам? – наморщил лоб Ашот, глядя на фотографию разрушенного моста.

– Империалисты пытаются покорить коммунистическую страну, – назидательно ответил Вася, пародируя вьетнамского замполита. – Неужели непонятно?

– Понятно. А почему наши не вмешаются?

– А «Балалайки», надо думать, французы сюда отправляют? – ехидно заметил Вася.

– Наши. Но я имею в виду – почему не отправят сюда еще и наших летчиков, танкистов, солдат? Да мы бы этих американцев в порошок... – он с силой стукнул кулаком по ладони. Звук вышел сочный, громкий.

– А хрен его знает... – ответил Базилио и сплюнул. – Большая политика... мать ее так...

Глава 7. Ханойское пекло

– Товарищ капитан, а все-таки – из-за чего тут воюют?

Базилио вел капитанский вездеход по пыльной улочке вьетнамской столицы. Целых полдня они добирались сюда от своей базы, – узкие дороги были забиты грузовиками, направляющимися на юг, и то и дело приходилось стоять, пропуская очередную колонну. Лишь под вечер впереди замаячили окраины Ханоя.

– За свободу, – равнодушно отозвался Хваленский, сидящий рядом с Базилио. Ему уже осточертели дорога, пыль и жара; хотелось лишь сходить в душ и выспаться. Однако для этого вначале надо было посетить главного военного советника по авиации и получить у него пакет с новыми жутко секретными инструкциями из Союза. Умудренный опытом капитан понимал, что скорее всего в конверте будет лежать какая-нибудь глупость, начертанная в минуты озарения каким-нибудь штабником. Но деваться было некуда...

В принципе, Хваленский мог бы съездить и один, но на «спарке» Базилио меняли забарахливший двигатель, самолет Хваленского также стоял на ремонте, – и потому капитан взял безлошадного летчика с собой. Во время пути они изредка меняли друг друга за рулем, однако большую часть пути вел машину лейтенант. Капитан же то смотрел на идущие к фронту грузовики, то что-то писал в блокноте.

– Про свободу я и раньше слышал, – хмыкнул старлей. – А с чего все тут началось?

Хваленский тяжело вздохнул. Рассказывать натошак долгую историю вьетнамских войн ему не хотелось. Поэтому он ответил вопросом на вопрос:

– А тебе с какого исторического периода начать?

– Э-э-э... – запнулся Базилио. – В смысле – с какого?

– Ну, вьетнамцы живут на этих землях уже несколько тысяч лет. Уже и с китайцами воевали, и с монголами, и с французами... Откуда начинать рассказ?

– Давайте с французов...

– Так и быть, – снова вздохнул капитан. – В Средние века Вьетнам был разделен на северную и южную части. Исторически так сложилось. Французы сюда пришли где-то в девятнадцатом веке – сначала как миссионеры. За ними, по всем правилам колонизации, приперлись флот и армия. В итоге тогдашнюю династию Нгуенов свергли, и французы принялись покорять страну. Надо сказать, что не такие уж они и злые были – города строили, железную дорогу проложили, порты создали – Дананг там, Хайфон... И университет при них построили, и в Европу вьетнамцы учиться ездили... – тут Хваленский отвлекся, заметив торчащие из зарослей стволы зениток. Это уже была третья по счету батарея, замеченная им в столице.

– А потом чего? – нетерпеливо спросил лейтенант.

– Потом пришли японцы, – зевнул капитан. – В сороковом году. И всю войну тут сидели. А французы свои позиции изрядно похерили. В сорок пятом Вьетнам освобождали с двух сторон сразу. С севера – китайцы, с юга – англичане и американцы. Они потом вернули контроль над югом французам, а на севере к власти пришел некто Хо Ши Мин.

– Ага, знаю, – кивнул Вася. – Это он сейчас президент северного Вьетнама.

– Он самый. А тогда руководил национально-освободительным движением Вьетминь. Французы сначала предложили ему быть их губернатором... ну, или что-то вроде того. Естественно, он отказался. Тогда они ввели в северные провинции войска. Поначалу, в принципе, почти добились своего: за исключением одного горного района они захватили почти весь Северный Вьетнам. Правда, толку от этого было чуть – в оккупированных ими провинциях начали активно действовать партизаны. Война шла с переменным успехом с сорок шестого по пятьдесят четвертый годы. То французы вьетнамцам наваляют, то вьетнамцы французам... По сути дела, французы сидели в укрепленных гарнизонах, периодически совершая вылазки

в джунгли и получая там по шам. Это притом, что у них и бронетехника была, и авиация. А партизаны не могли штурмовать гарнизоны – у них тяжелого вооружения не хватало. Зато они держали в напряжении французов, постепенно изматывая их.

– А откуда вьетнамцы брали оружие и еду? – полюбопытствовал старлей. – Вся страна воюет, кто ж пашет-сеет?

– Что характерно – справились сами. Сельские районы, где растет рис, были под их контролем. Вооружения тоже хватало. Китайцы тогда еще не стали коммунистами, и вьетнамцы выкручивались без них.

– Ага... – кивнул старлей, объезжая по обочине сломавшийся грузовик. Шофер-вьетнамец копался в моторе, изредка с тревогой поглядывая на небо – американские штурмовики периодически обстреливали колонны на дорогах. – А почему французы не сумели победить?

Капитан зевнул и произнес:

– Не знаю. Здесь направо сверни, почти приехали...

...Ханой встретил летчиков странным контрастом мира и войны. Работали магазины, спешили по своим делам прохожие, где-то играла музыка. Правда, чувствовалось, что город на военном положении – всюду открыты щели, в которых можно спрятаться при бомбежке, мужиков на улицах куда больше, чем женщин, а в пальмовых рощах и на пустырях видны стволы зениток. Возле пушек дежурили вьетнамские ополченцы – совсем молодые парнишки, едва ли успевшие закончить школу, и пожилые рабочие.

Офицеры ехали по Ханую едва ли пять минут, но уже успели насмотреться результаты американских ударов «исключительно по военным объектам». Отдельные кварталы лежали в руинах – американцы, бомбя аэродром и заводы в пригородах Ханоя, из-за плотного зенитного огня и неточных разведанных частенько промахивались и ровняли с землей все, что соседствовало с целью.

До «советского квартала», где жил главный советник, оставалось проехать всего пару километров, когда вдруг протяжно завывла сирена воздушной тревоги. Улица стала стремительно пустеть. На оказавшейся неподалеку зенитной батарее, расположенной на опушке пальмовой рощицы, расчеты стали быстро, но без суеты разворачивать свои пушки.

– Товарищ капитан, может, попробуем проскочить? – спросил Вася. Хваленский отметил в его голосе нотки беспокойства.

– Не надо. Попадем еще под удар... Притормози вон у того дома.

– Как скажете, – пожал плечами Вася, останавливаясь в указанном месте.

Надев запасенные специально для такого случая каски, офицеры выбрались из джипа. Хваленский осмотрелся и увидел неподалеку открытое специально для спасения от налетов укрытие – яма, в которую вертикально был вкопан метровый обрезок водопроводной трубы, закрывавшейся сверху канализационным люком.

– Если что, прячься сюда, – сказал он Васе. Тот кивнул в ответ и вытащил из джипа взятый на всякий случай автомат.

– А это еще зачем? – усмехнулся Хваленский. – Будешь по американцам стрелять?

– Не... Чтoб не сперли, пока я там сидеть буду, – покраснел Базилио, забросив автомат за спину. «Нервничает...» – подумал капитан. «Оно и понятно, первый раз в бою...».

Стремительно нарастающий рев множества реактивных двигателей уже заглушал все прочие звуки. Из-за домов Хваленскому не было видно американцев, но зенитчики, чьи пушки стояли метрах в ста от построек, уже поймали их в прицелы. Звонко рывкнула первая зенитка, затем к ней присоединились все пушки батареи.

Капитан перебежал вдоль стены дома, за которым они прятались с Базилио. В просвет между соседними постройками отлично просматривалось то направление, откуда приближа-

лись американцы. Выглянув из-за угла, Хваленский поднес к глазам бинокль и отыскал взглядом самолеты.

– Блядь! – только и сказал он, увидев их.

Десяток похожих на акулу штурмовиков, под крыльями которых были подвешены гроздь бомб, быстро приближался к городу. Зенитчики в пригородах уже открыли огонь – вокруг самолетов стали появляться черные облачка разрывов. Но американцы упрямо летели вперед. Бинокль во много раз сокращал расстояние, и капитан на мгновение встретился взглядом с одним из пилотов. С трудом подавив в себе мысль, будто американец тоже видит его, Хваленский продолжал наблюдать.

Внезапно перед самым носом одного из «Скайхоков» разорвался крупнокалиберный снаряд. Штурмовик покачнулся и, заваливаясь влево, пошел к земле. Он исчез за домами, над которыми почти сразу поднялся столб дыма и огня. Земля под ногами ощутимо вздрогнула от удара.

Почти сразу второй штурмовик разнесло в клочья, – снаряд влетел прямо в его воздухозаборник и рванул внутри. Оторванная взрывом носовая часть с кабиной экипажа, бешено крутясь во всех направлениях, по инерции пролетела еще несколько десятков метров, после чего рухнула неподалеку от батареи и прокатилась по нему, превращаясь в смятый бесформенный кусок металла. Остальные штурмовики пронеслись над батареей, сбрасывая бомбы. Короткий душераздирающий вой, гулкие взрывы, дрожь земли под ногами.

Оглушенный взрывами капитан не сразу понял, что налет закончился. Американцы улетели; вслед им еще постреливали отдельные зенитки, но стрельба быстро затихла. Капитан бросил взгляд на часы – весь бой от первого до последнего выстрела длился от силы секунд двадцать. А казалось – вечность...

Хваленский поднялся на ноги и пошел к «козлику». Вася, смущенно улыбаясь, уже сидел за рулем:

– Я думал, накроет нас... Как стрелять стали, я в щель брык – и сидел там, пока они не улетели...

– Я тоже в первый раз из окопа не вылезал, – тихо сказал Хваленский, забираясь в джип.

– Так вы уже не первый раз под бомбежкой? – удивился лейтенант.

– Третий, – все так же тихо ответил капитан. – Поехали, что стоишь?!

– Извините, товарищ капитан, – Вася торопливо переключил передачу и тронул джип с места.

Вскоре офицеры въехали в квартал, где в основном и жили командированные во Вьетнам советские военные и торговые представители. Нужный дом они отыскали быстро. Главный советник не стал затягивать беседу, а передал Хваленскому запечатанный пакет и предложил переночевать в его доме:

– Куда вы, на ночь глядя, поедете?

Капитан не возражал. Но на всякий случай закрыл дверь в комнату изнутри, пакет сунул под подушку, а пистолет положил так, чтобы в случае чего можно было сразу выхватить его из кобуры. И после этого уснул крепким сном, готовый, однако, проснуться от малейшего шороха.

Столь же крепко спал и Вася.

Глава 8. Война

В обратный путь офицеры пустились сразу после завтрака – капитан хотел оказаться на аэродроме засветло, а путь предстоял еще труднее, чем накануне. Если вчера приходилось пропускать идущие на юг грузовики, то теперь «газик» тащился в их бесконечной веренице, да так медленно, что, казалось, к полудню еще и не выехал из столицы. Когда встречная полоса была пуста, Вася обгонял запыленные «МАЗы» и «ЗИЛы», чтобы хоть немного сократить путь.

– Товарищ капитан, – спросил он, вклинившись между двумя темно-зелеными грузовиками, – вы вчера начали рассказывать про войну...

– Угу, – хмыкнул Хваленский. – И на чем я там остановился?

– На том, что ни французам, ни вьетнамцам не удавалось выиграть войну...

– Ага, вспомнил... Ну, в общем, до пятьдесят третьего шла вялотекущая война, а потом французы решили дать вьетнамцам генеральное сражение. Захватили деревню Дьенбьенфу в глубине партизанских территорий, укрепили ее по самое не балуй и назвали ее крепостью.

– Что-то слышал, – кивнул лейтенант. – Вроде там их и разбили...

– Да, именно там. Французы рассчитывали, что ее гарнизон оттянет на себя основные силы вьетнамцев, и они будут измотаны при штурмах. Снабжать войска в крепости собирались по воздуху. Опыт Сталинграда никого ничему не научил... – капитан невесело усмехнулся. – Вокруг деревни были густые джунгли, и французы думали, что вьетнамцы не смогут подтянуть артиллерию. Оказалось, – просчитались. Те все-таки дотащили пушки и устроили гарнизону веселую жизнь. Полтора месяца блокады и обстрелов, – и полгарнизона как корова языком слизала. Еще неделя штурмов – и все, крепость пала. Что-то под шесть тысяч человек вместе с комендантом попало в плен. После этого французы из Вьетнама убрались. Война и до того была не сильно-то популярна во Франции, а уж после...

– Ну, это все понятно... – сказал старлей. – А как это связано с нынешней войной? Почему американцы мешают вьетнамцам объединиться?

– А очень просто. После взятия Дьенбьенфу война закончилась. Ну, или утихла, если точнее. Камбоджа и Лаос стали независимыми, а Вьетнам по восемнадцатой параллели разделили на коммунистический Северный и капиталистический Южный. Нейтральную территорию – полосу шириной в несколько километров – назвали демилитаризованной зоной. Сокращенно – ДМЗ. Столицей Северного Вьетнама стал Ханой, Южного – Сайгон. Вообще, политики рассчитывали уже в пятьдесят шестом провести выборы в обеих странах, а потом объединить их... но южане встали на дыбы и отказались признать их результаты.

– Почему? – недоуменно спросил Вася.

– Дескать, недостаточно демократические они были. Ну, или как-то так. В Сайгоне же ведь американские марионетки сидят. А янки боятся потерять контроль над Вьетнамом и, в конечном счете, – над всей Азией. Боятся, потому что весьма вероятно была победа коммунистов... – капитан пожевал губами. – Да почему была – она и сейчас есть. Вот поэтому янки и бомбят северян – им коммунисты у власти не нужны.

– Ясно...

– В общем, в пятьдесят шестом на юге снова активизировались партизаны. Им хотя и не сразу стали помогать северяне и китайцы. Сначала оружием и припасами, потом и солдатами. Мы тогда и начали свое вооружение сюда поставлять. Сначала всякое старье, которое с той войны на складах валялось, потом пушки поновее. Так вот, для снабжения была даже построена своего рода «Дорога жизни», которая проходила через Лаос и Камбоджу. Называется она «Тропа Хо Ши Мина». Или просто – «Тропа». Вьетнамских партизан стали называть Вьетконг, что означает «Вьетнамские коммунисты». Они в начале шестидесятых, кстати, почти целиком контролировали Южный Вьетнам. Еще б немного – и дожали бы таки капиталистов...

– А что потом? – улучив момент, пока дорога была свободна, Вася снова выехал на встречку и понесся вдоль колонны.

– Вмешались американцы, – вздохнул Хваленский. – Побоялись, наверное, что потом коммунисты пойдут в Лаос, Камбоджию и Таиланд. Сначала своих инструкторов стали присылать в южновьетнамские части, потом летчиков, потом и вовсе войска ввели. . . Потом в шестьдесят четвертом поняли, что победа северян при таком раскладе – вопрос времени. И в августе того же года спровоцировали тонкинский инцидент.

– Чего-чего? – переспросил Вася, крутанув руль влево. Джип ощутимо трянуло – старлей был вынужден уйти на ухабистую обочину, чтобы не столкнуться с мотоциклистом, спешащим в Ханой.

– Блин, осторожнее. . . – поморщился капитан. – Короче, вьетнамские торпедные катера атаковали американские эсминцы в Тонкинском заливе, это у восточного побережья Вьетнама. Дальше поднялся большой шум – американцы утверждали, что их атаковали в нейтральных водах, вьетнамцы – что янки вошли в территориальные воды страны. Вот тогда-то под предлогом защиты Южного Вьетнама от красной агрессии янки и стали быстро наращивать свои силы в регионе. А в феврале шестьдесят пятого начали бомбить Северный Вьетнам. Бомбили, правда, выборочно – лишь определенные объекты вроде военных баз и мостов. Потом стали бомбить порт Хайфон, потом электростанции, теперь уже и аэродромы, как я слышал, долбят. . . На юге партизаны так и действуют, им продолжают поставлять вооружение и припасы. Вот пока и вся история. . .

– Понятно, – кивнул Вася. – А как думаете, кто победит?

– Сложно сказать. . . – задумчиво ответил капитан. – Склоняюсь к мысли, что все-таки вьетнамцы, но чего им это будет стоить – страшно подумать. . .

– Мне тоже кажется, что вьетнамцы, – сказал Базилио. – Я вчера удивился, как они спокойно по самолетам стреляли. . . Как будто только этим всю жизнь и занимались.

– А чего им терять кроме своих цепей? – пожал плечами Хваленский. – Были французы, были японцы, теперь под американцами сидеть? Я б на месте здешних крестьян тоже за автомат взялся. . .

– Тоже верно. . . А откуда вы все это знаете? Ну, про войну. . .

– Слушаю и смотрю, – усмехнулся капитан.

Он не стал рассказывать о том, как в шестьдесят шестом отдыхал на Черном море и познакомился с двумя капитанами – ракетчиком и летчиком. Как оказалось, оба успели повоевать во Вьетнаме – летчик еще в шестидесятом доставлял на транспортных самолетах грузы лаосским партизанам, а зенитчик в шестьдесят пятом отражал первые налеты американцев. Летчик свою командировку отлетал вполне благополучно (не считая того, что дважды едва не разбился из-за бокового ветра при посадке на сложном высокогорном аэродроме), а замполиту-ракетчику повезло чуть меньше. Через два месяца после начала командировки его расчет отражал налет американской авиации на морской порт Хайфон, и вражеский самолет накрыл позицию дивизиона осколочными бомбами. Шариками, которыми были начинены адские гостинцы, изрешетили кабины операторов; лишь по счастливой случайности никто не погиб, но многих ранило. Замполита и еще двух бойцов – тяжело. На этом война для них окончилась – их доставили с того света в ханойском госпитале и от греха подальше отправили обратно в Союз.

– Ты, главное, не трепись, откуда знаешь все, – предупредили Хваленского новые друзья. – Но кто и за что воюет в тех краях – запомни. . .

И рассказали, кто и за что воюет.

Не знал тогда капитан, как все это ему пригодится. А поди ж ты – пригодилось. . . Вызвал через полгода к себе командир полка, да и предложил поехать в заграничную командировку.

– Мужик ты холостой, инструктор от бога, – без обиняков сказал полковник. – Позагораешь, звание заработаешь быстрее. Ну, и получка там увеличенная. За вредность.

– Ладно, – согласился Хваленский, глядя в окно, на заснеженный плац перед зданием штаба. – Еду.

Через неделю пассажирский лайнер унес его в знойный Вьетнам...

– Товарищ капитан... – начал было Вася, но его слова заглушило хлопанье зениток и быстро нарастающий рев самолетных двигателей. Черная тень пронеслась над колонной и исчезла за деревьями, сбросив на прощанье что-то вроде подвесного топливного бака. Мгновение спустя американский гостинец упал в джунглях поодаль от дороги, и там вдруг взметнулось адское пламя, сразу превратившее деревья в огромные костры. Огненный вал, заботливо раздуваемый ветром, покатился по чаще, в мгновение ока превращая в пепел все, что попадалось на пути. Ветер, к счастью, дул от дороги вглубь леса, и потому пламя не угрожало колонне. Однако сильный жар все-таки ощущался даже на расстоянии десятков метров от горящего леса.

– Напалм, – задумчиво резюмировал Хваленский, глядя на пылающие джунгли. – Ну, и что ты там еще хотел спросить?

Остолбеневший лейтенант только сейчас начал понимать, как ему повезло. Американский «охотник» не рассчитал время сброса бака с напалмом, и потому тот упал не на колонну, а в лес.

– Х... х... хрен с ним! – пробормотал Вася и надавил на газ. Вездеход рванулся с места, набирая скорость. Колонна как ни в чем не бывало продолжала двигаться дальше. Что толку ахать и охать, если худое на этот раз не случилось?

Глава 9. Первые блины

...К обеду офицеры все-таки добрались до аэродрома. Аккурат в тот момент, когда они въехали на летное поле, на взлет пошла пара МиГ-17. Окрестности огласил свист их двигателей; взлетев, истребители пропали из виду, но Хваленский все-таки заметил, что они ушли на юг.

– На перехват почесали... – произнес Вася.

– Похоже на то... Интересно, куда это наш переводчик так спешит?

Наперерез джипу через поле бежал вьетнамский лейтенант. Вася затормозил, и офицер, подбежав к джипу, проговорил:

– Товарищ Хваленский! «Балалайки»... Ох, черт... Вас к себе командир базы зовет!

– Что там стряслось? – спросил капитан, но запыхавшийся Тхонг не мог двух слов:

– МиГи... Командир базы... На КДП... Я в лагерь бегал... Вас искать... Думал, вы уже того... Приехали, вот!

– Залезайте в машину! – приказал Хваленский – Быстро! Вася, гони к вышке!

Старлей кивнул и нажал на газ, едва Тхонг забрался на заднее сиденье.

– Жди тут! – приказал капитан, когда Базилио затормозил рядом с вышкой. – Тхонг, за мной! – и, не дожидаясь вьетнамца, пулей взлетел на вышку, прыгая через три ступеньки.

Судя по напряженным физиономиям и отрывистым резким фразам переговоров, вьетнамцам сейчас приходилось несладко. На зеленоватом экране радара вырисовывались многочисленные отметки целей. Некоторые самолеты направлялись в сторону базы, другие наоборот – уходили от нее. Руководитель полетов что-то раздраженно говорил по-вьетнамски в микрофон рации, потом, замолкнув, выслушивал ответ, и снова принимался вещать.

Хваленский подошел к полковнику Цзиню:

– Здравия желаю. Что происходит?

– Ваши новые МиГи – хлам, – резко произнес полковник, глядя на экран локатора. – Или это вы их так готовите к вылетам?

– В чем дело? – холодно уточнил капитан.

– С соседней базы на перехват поднялись четыре машины. Пилоты догнали американцев, но вскоре доложили, что вооружение неисправно... Они не смогли ни попасть в американцев ракетами, ни сбить их из пушек.

– Вы всерьез считаете, что это – вина советских специалистов? – удивленно поднял брови Хваленский.

– Пилоты доложили, что пушки не работают, а ракеты почему-то уходят в сторону от американских самолетов, – упрямо повторил полковник.

– Ясно. Что с теми МиГаами?

– У них мало топлива. Они вот-вот сядут у нас для дозаправки. Потом перелетят к себе на аэродром.

– Мне надо поговорить с летчиками и осмотреть машины.

– Зачем?

Подозрительность союзников начинала напрягать даже терпеливого Хваленского. Он устало пояснил:

– Чтобы понять, какие системы и почему отказали. И дать моим техникам указание на проведение соответствующих доработок на наших самолетах. Во избежание таких же отказов в будущем.

Крыть полковнику было нечем, и он пожал плечами:

– Ладно. Они будут с минуты на минуту. Пока будут заправлять, осмотрите и поговорите.

– Спасибо, – сказал Хваленский и вышел из душевой комнатки КДП на балкончик, протянувшийся по периметру вышки.

...Истребители появились через несколько минут. Капитан, спустившись с вышки, наблюдал, как они садятся и заруливают на стоянку. Это действительно оказались «Балайки», только более ранней модификации, нежели использовал полк Цзиня. Хваленскому они, впрочем, были хорошо знакомы – на таких он летал в лейтенантские годы.

Как только техники приставили к борту первого МиГа стремянку, капитан поднялся по ней и заглянул в кабину. Скуластый вьетнамский летчик в летном комбинезоне и огромном защитном шлеме, казавшийся мальчишкой по сравнению с капитаном, вопросительно посмотрел на незнакомого офицера.

– По-русски понимаешь? – спросил Хваленский.

– Немного, – кивнул летчик. – Не быстро говори.

– Я – русский инструктор. Расскажи, что произошло?

– Взлетели по тревоге. Пробили облака. Заметили американцев, – вьетнамец говорил по-русски не совсем уверенно, делая большие паузы между словами. – Они нас увидели, стали маневрировать. Я одного в прицел поймал, жму кнопку захвата цели, пускаю ракету. Она мимо. Я второй раз. Он в сторону, ракета снова мимо. Ракета уже стартует, а он вправо, и она мимо. Ракет у меня все, нету. Я за пушку, а она не стреляет...

– Понятно... – вздохнул Хваленский. – Сейчас половина второго... С американцами ты, значит, минут десять назад встретился. Куда они летели?

– Ну... На юг.

– Где было солнце, когда ты целился?

– Солнце?

– Да, солнце.

– Ну... Впереди и чуть выше цели.

– Вот тебе и «ну», – сказал капитан. – Когда вас учили пускать ракеты, что говорили про солнце?

Вьетнамец молчал.

– Говорили про солнце?

– Говорили, – пробормотал вьетнамец и потупился. – Я злой был, не подумал...

– Жаль, – вздохнул Хваленский.

Ракеты К-13, которыми вооружался МиГ-21, страдали тем же недостатком, что и их американские сородичи марки «Сайдвиндер», наводившиеся на излучаемое двигателями тепло, – после пуска они, доворачивая за целью, запросто могли улететь к солнцу. И все потому, что их «мозги» считали его более сильным источником тепла, чем раскаленное сопло самолета. После этого ракету можно было уже не бояться – она летела в сторону светила, пока не кончалось топливо, а потом падала. Именно поэтому инструктора, обучая курсантов, строго-настрого запрещали пуск ракеты против солнца. Но молодые летчики иногда забывали об этом и впустую тратили боеприпасы.

– А с пушкой что? – продолжал расспросы капитан. – Покажи, как стрелял, что включал...

Летчик принялся объяснять порядок действий, указывая на кнопки и выключатели.

– ...оказываюсь сзади него, целью, жму гашетку, – пушка не стреляет. Я снова жму – все равно не стреляет...

– Ты не переключился с ракет на пушку, – произнес Хваленский, внимательно следивший за порядком действий. – У тебя и пушка, и ракеты приводятся в действие одной гашеткой. Надо было вот этот тумблер вначале переключить с ракет на пушку, а ты этого не сделал. Ракет у тебя уже не было, пушку ты не включил – вот тебе и ответ, почему оружие не срабатывало.

Вьетнамец понуро молчал.

– Ты растерялся там, в воздухе, когда увидел американцев? Или нет?

– Нет. Злой был, – ответил летчик. – У меня американцы семью убили недавно.

Хваленский осекся.

– Извини... Как тебя зовут?

– Лейтенант Тхонг Ван Сао.

– Тхонг, ты давно на МиГ-21 летаешь?

– Месяц. Сорок часов.

– Первый раз в бою?

– Нет. Пять, – вьетнамец впился взглядом в приборы и очень внимательно – будто впервые – разглядывал их.

– Сбитые есть?

– Один.

– Уже хорошо. Раньше на МиГ-17 воевал?

– Да.

– И как, нравилось?

– Да, – слегка оживился летчик. – Легче. Обзор лучше, пушки лучше. Скорость только маленькая.

– Эта машина лучше той, просто она сложнее... Ладно, не вешай нос, – сказал Хваленский и ободряюще улыбнулся. – Месяц – не так много, нас вон несколько лет учили. Скоро начнешь лупить янки в хвост и в гриву.

– Да, – без особого энтузиазма согласился вьетнамец.

Хваленский спустился со стремянки. Пока техники заправляли самолеты, он поспешил перебраться парой слов с остальными летчиками. Выяснилось, что проблемы у всех были одни и те же, – при пуске ракет сложно было удержать в прицеле маневрирующую цель, которая к тому же шла против солнца, и противник уворачивался от ракет – хотя порой и в самый последний момент. С пушкой одному летчику удалось – таки справиться – он не только снял оружие с предохранителя, но и дал очередь по «Фантому».

– А попал? – уточнил Хваленский.

– Не видел, – пожал плечами вьетнамец. – Он в облако влетел, снаряды следом. Может, я подбил его?

– Может быть... – капитан по рассказам бывалых людей знал, что «Фантом» – машина феноменально крепкая, и может вернуться на базу даже на одном двигателе и с кучей пробоин. Вряд ли несколько снарядов стали для янки фатальными...

Вскоре гости улетели. Хваленский проводил их взглядом и сказал Базилио:

– Я в сборочный цех. Можешь идти обедать.

– Спасибо, товарищ капитан, – кивнул Вася.

– И ребят отыщи. Тоже, небось, жрать хотят.

«Сборочным цехом» советские специалисты называли между собой ангар, где собирались МиГи. Вьетнамским техникам столь тонкую работу не доверяли; считалось, что лучше будет, если самолет соберут и отладят русские – так он верней летать будет, благо они его лучше знают. Поэтому вьетнамцев обучали в ходе обслуживания уже готовых машин, – а в ангаре появлялись только свои, советские спецы.

Капитан обсудил с главным техником кое-какие вопросы и попросил его одолжить фотокинопулеметов, в просторечии именуемых ФКП. По сути дела, это были видеокамеры, установленные в носовой части самолета и фиксировавшие результаты стрельбы из пушки. Включались они автоматически при нажатии гашетки и на протяжении нескольких секунд снимали

все происходящее перед самолетом. После боя оставалось только проявить пленку, чтобы получить доказательство уничтожения цели.

– Зачем они тебе? – удивился техник.

Хваленский объяснил, и техник расплылся в улыбке:

– А, тогда без проблем! Все сделаем.

– Спасибо, Серег.

Капитан нашел укромный уголок и вскрыл секретный пакет с инструкциями, который накануне получил в Ханое. Ничего особенного там не было: Москва предупреждала, чтобы по возможности капитан следил за действиями вьетнамских летчиков и отчитывался о замеченном: как применяют самолеты, какие сложности возникают, какие тактические приемы наиболее действенны... Заодно напомнили, чтобы советские летчики без лишней нужды не вступали в бои с американцами.

– И из-за этой херни я ездил в Ханой? – мысленно плюнул Хваленский. Сунув бумаги в планшет, он позвонил метеорологу:

– Привет, Хо, не подскажешь, что там завтра с погодой?

– Буря будет, – лаконично ответил вьетнамец. – Дождь, облачность сильная, ветер. Не летаете.

– Спасибо. Бывай.

Он положил трубку и вышел из ангара, – и словно вынырнул из сухой прохлады подземелья во влажную удушающую жару. Парило, как в бане. Все живое затаилось. Ни ветерка, ни движения, – только с востока надвигались хмурые чернеющие облака.

«Похоже, Хо был прав...» – подумал Хваленский. «Будет буря...».

Глава 10. Карибский кризис

...Дождь лил третьи сутки. То усиливаясь, то утихая, он не прекращался ни на минуту. Казалось невероятным, что в облаках может поместиться столько воды. В пятидесяти шагах за сплошной стеной дождя не было видно ни зги. Земля медленно, но верно превращалась в кисель. Даже пожилые вьетнамцы не могли припомнить столь затяжной бури – ливни для здешних мест были обычным делом, особенно летом, но длились они от силы десять-пятнадцать минут, а не три дня.

Полеты, конечно, приостановили. Лейтенанты проводили с вьетнамцами теоретические занятия, а капитан пропал в сборочном цеху, где техники собирали последние полученные «Балалайки». Вася, заглянув как-то по срочному вопросу в ангар, увидел среди «двадцать первых» пару МиГ-17, с которыми почему-то возились не вьетнамцы, а свои, советские технари.

– Привет, ребята, – поздоровался Вася. – Где капитан, не знаете?

– Здорово, Вася! Тут он где-то был... – отозвался техник, копавшийся в турбине. – Погоди, сейчас вернется... – он вытер руки ветошью, обменялся с Васей рукопожатием и критически осмотрел движок. – Все союзничков тренируете?

– А то, – усмехнулся Вася. – Гляжу, они вам тоже работы подкинули...

– Да не... – отмахнулся техник. – То капитан подкинул. Хочет из них мишени сделать, оружие опробовать. Вот мы и херачим помаленьку.

– Мишени? – переспросил Вася, разглядывая латаный-перелатаный самолет. – Как они действовать-то должны?

– Ну, кто-то из вьетнамцев взлетает на ней, стопорит рули – и катапультируется. Самолет сам по себе летит какое-то время по прямой. А капитан сбивает, – пояснил техник. – Обычных-то радиоуправляемых мишеней нема, вот и изгаляемся. Эти машины все равно уже списали, даже восстанавливать не хотели...

– Понятно... Извини, Дим, капитан пришел, – Вася разглядел в глубине ангара Хваленского и поспешил к нему.

– Бывай, – техник вздохнул и снова повернулся к самолету.

Вечером, когда все занятия закончились, лейтенанты вернулись к себе в хижину. Капитан прибыл чуть позже. Ашот в это время чистил пистолет, сидя за столом, а Вася с Володей играли рядом в шахматы.

– Вольно, – шутливо произнес капитан, входя в хижину. Сбросив мокрую плащ-палатку, он сел на свою койку и стал что-то записывать в блокнот.

– Товарищ капитан, может, к нам за стол подсядете? – предложил Ашот, ловко собирая пистолет. – А то ж на койке неудобно писать...

– Можно, – Хваленский перебрался за стол. – Вот что, парни, если хотите письма домой отправить – пишите сейчас. Утром Вован в Ханой поедет, передаст их в наше посольство. Только не вздумайте писать, где именно служите и чем занимаетесь. Военная тайна все-таки.

– Во блин! – Вася от радости стукнул себя кулаком по коленке. – А я как раз спросить хотел про это самое... Ребята, бумаги ни у кого не завалялось?!

– Есть немного, – отозвался Ашот, извлекая из вещмешка чистую тетрадку. – Держи! Володь, ты писать будешь?

Володя ответил не сразу. Он сидел над доской, задумчиво глядя на перемешавшиеся в ходе сражения черные и белые фигуры, и вспоминал тот зябкий мартовский вечер, когда последний раз видел Лилю. «Писать ей или нет?» – думал он. «Вроде тогда отказалась встретиться, наверное, и писать теперь не стоит, но... Может, не со зла отказалась? Или все-таки умышленно? Хрен его теперь разберет, вдруг и на этот раз не ответит...».

– Володь, не спи! На! – Ашот придвинул к нему разлинованный лист бумаги и ручку. – Пиши. Родителям пиши. И ей пиши.

Володя вздрогнул.

– Давай, – пробормотал он и, помедлив, написал: «Дорогая Лиля, привет тебе из жаркой южной республики...».

Рядом строчили послания Вася и Ашот. Первый как начал, так и не останавливался, пока не исписал весь двойной лист, второй в раздумьях грыз ручку и время от времени раздражался затяжными абзацами. Капитан же писал спокойно и ни на кого не глядя, – и письмо его было короче всех:

«Привет, батя! Жив-здоров, чего и тебе желаю. Все летаем, – страшно сказать в каких краях. Как ты там? Что нового? Не надо ли чем помочь? Твой сын Миша».

Когда письма были написаны и вложены в конверты, Хваленский убрал их в свой чемодан. За окном окончательно стемнело. Света двух лампочек, однако, хватало, чтобы осветить крошечную хижину, и Володя с Васей вернулись к шахматам, а капитан, развалившись на койке, открыл потрепанного «Графа Монте-Кристо». Ашот лег на койку и, заложив руки за голову, какое-то время молча смотрел в потолок, – а потом, усевшись по-турецки, попросил:

– Товарищ капитан, а расскажите, пожалуйста, как вы на Кубе служили...

– На Кубе? – капитан внимательно посмотрел на Ашота.

– Да. Генерал Карасев, наш командир, говорил про вас, – не смутился лейтенант.

– А-а, понятно... – улыбнулся Хваленский и, отложив книгу, сел, прислонившись спиной к стене. – Как там Карась, по-прежнему летает?

– А то!

– Помню-помню, как он нас дрючил... А на Кубе почти то же самое было, что и тут. Те же тропики – жара, духота, дожди... Правда, туда мы воевать ехали, а не просто местных учить... До боев, правда, дело не дошло...

– А как вы туда попали? – любопытствовал Вася.

– Так же, как и вы сюда... – пожал плечами Хваленский. – Предложили, – согласился... рапорт для порядка написал – и все. И остальные так же. Один у нас отказался – так его понизили в звании и сослали куда-то к черту на кулички служить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.